

М.А. Ядова

**ВЗГЛЯДЫ И ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Аннотация. Автор рассматривает биографический метод как один из наиболее эффективных способов познания социальной реальности. Анализируется вклад биографических исследований в изучение взглядов, поведенческих стратегий и жизненных траекторий российской молодежи. При изучении истории жизни человека основным методом получения информации является биографическое интервью. В качестве примера рассматривается опыт изучения индивидуальных биографий представителей постсоветского поколения молодежи (годы рождения – начало 90-х годов) сквозь призму применения метода биографического интервью. В центре внимания автора – факторы, влияющие на выбор молодыми людьми современных или традиционных стратегий поведения. В качестве ведущих детерминант, определяющих процесс взросления постсоветского поколения, рассматриваются: близкое окружение, социальные институты, условия жизни, а также политические события, происходящие в стране. Отмечается значительное влияние социального окружения на формирование ценностей и взглядов участников исследования. «Модернистов» и «традиционалистов» отличает адаптивная гибкость: они легко готовы конструировать маршруты своего жизненного пути (трудовые, семейно-личные и пр.) с учетом меняющихся социальных обстоятельств. Показано, что несмотря на очевидную разность ценностей, поведенческих установок, особенностей взросления и жизненного опыта «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения, есть то, что стало общим формативным эффектом для них. Прежде всего это касается происходящих в России политических событий, на фоне которых взросло данное поколение. Несомненно, постсоветская молодежь – скорее «дети» 2000-х, чем 90-х. «Модернистов» и «традиционалистов» во многом объединяет отношение к Крымскому вопросу и одобрение вхождения Крыма и Севастополя в состав РФ.

Ключевые слова: биографические исследования; биографический метод; российская молодежь; жизненные траектории.

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук,
заведующая отделом социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), Россия, Москва. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500; Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

M.A. Yadova. The Youth's Views and Life Trajectories Through the Prism of Biographical Researches

***Abstract.** The author explores a biographical method as one of the most effective ways of understanding social reality. The contribution of biographical researches to the study of views, behavioral strategies and life trajectories of the Russian youth are analyzed. When studying a life history, the main method of obtaining information is a biographical interview. As an example, we consider the experience in studying individual biographies of representatives of the post-Soviet youth (born in the early 90s) using this method. The author focuses on the factors that influence the young people's choices of today's or traditional behavioral strategies. The leading social determinants in this process are the surrounding community, social institutions, living conditions as well as political events taking place in the country. It is emphasized that the social environment of the study participants has a significant impact on their values and views. «Modernists» and «traditionalists» are notable for their adaptive flexibility: they are ready to construct the routes of their life paths taking into account changing social circumstances. It is shown that, despite the obvious difference in values, behavioral attitudes and life experience of «modernists» and «traditionalists», there is something common that helps them mature. First of all, it's the recent political events in Russia that they witnessed. The post-Soviet young people are more likely to be «children» of the 2000s than of the 1990s. Both the «modernists» and «traditionalists» adhere to similar attitudes towards the Crimean issue and the accession of Crimea and Sevastopol to the Russian Federation.*

***Keywords:** biographical researches; biographical method; the Russian youth; life trajectories.*

**Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Sociology and Social Psychology
of the Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500;
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019**

Под биографическими методами в социальных науках обычно понимают способы подробного изучения жизненных траекторий отдельных людей. Наиболее часто источником биографических данных выступают личные документы (дневники, мемуары и пр.) и материалы интервью. Отечественный социолог И.Ф. Девятко отмечает, что в биографических исследованиях часто уделяется внимание не всем событиям жизни человека, а отдельным аспектам или стадиям жизненного цикла, например карьере, юности, школьным или студенческим годам, семейным / дружеским взаимоотношениям. Некоторые авторы, подчеркивая избирательность в выборе тем для жизнеописания того или иного человека, предлагают говорить не о биографическом методе или истории всей жизни, а об истории отдельного случая [Девятко 1998].

Наверное, самым известным и распространенным направлением в традициях качественной методологии в социальных науках является изучение истории жизни человека. Этот тип исследовательской стратегии сфокусирован на индивидуальной судьбе человека и направлен на сбор и анализ соответствующей информации. По мнению А.С. Готлиб, историю жизни от других исследовательских стратегий отличают следующие признаки: ориентация на текст, а не на реальную жизнь, нарративность, множественность образов, идентичностей и аудиторий авторов, сложные отношения в триаде «автор – его “Я” – текст» [Готлиб 2006].

Основная задача исследователя, выбравшего эту стратегию, – изучить не столько то, что произошло на самом деле, сколько представления информанта о ситуации, а также социальный контекст, в который встроены собеседник. Впрочем, для достижения той или иной степени объективности всегда есть возможность дополнить индивидуальную «историю» человека сведениями о том, как видят или переживают обсуждаемую ситуацию другие участники событий. По словам французского социолога Д. Берто, разрыв между реальностью и нарративом преодолим, если исследователь в своей работе будет придерживаться следующего подхода: «Хотя рассказы о жизни, без сомнения, являются субъективными, они могут быть использованы как ступени в конструировании социологических описаний и интерпретаций, которые настолько приближаются к объективному социологическому знанию, насколько это в принципе возможно» [Берто 1997, с. 15].

При изучении истории жизни человека основным методом получения информации – биографическое интервью. В качестве примера рассмотрим опыт изучения жизненных траекторий представителей постсоветского поколения молодежи (когорты рожденных в начале 90-х годов прошлого столетия) сквозь призму применения биографического метода. В рамках долгосрочного проекта (2008–2014) автором статьи с частью респондентов, отнесенных по результатам анкетирования (N=1600) к «модернистам» и «традиционалистам», проводились серии полуструктурированных «глубоких» интервью биографического характера¹. На глазах интервьюера информанты выросли, в начале исследования они – старшеклассники или учащиеся колледжей

1. В общей сложности участниками интервью стали 48 человек с выраженными «модернистскими» и «традиционалистскими» ценностно-поведенческими установками. «Модернизм» (открытость изменениям, социальная активность и ответственность, амбициозность, самостоятельность) / «традиционализм» (качества, противоположные модерным) индивида определялся, согласно основным характеристикам модели «современной личности», разработанной известным американским социологом А. Инкелесом [Inkeles 1974].

г. Москвы, на последних этапах исследования – студенты либо вышедшие на рынок труда молодые специалисты, нередко с уже собственными семьями.

В центре внимания автора – факторы, влияющие на выбор молодыми людьми современных или традиционных стратегий поведения. Выбирая темы для беседы, мы исходили из предположения о том, что на процесс взросления представителей постсоветского поколения повлияли близкое окружение, социальные институты, условия жизни, а также происходящие в России политические события, современниками которых так или иначе оказались информанты. Респондентов спрашивали об их детских и школьных годах, взаимоотношениях с родственниками и друзьями, а также выясняли, как они оценивают те или иные политические события в нашей стране и т.д.

В ходе беседы мы старались дать информантам возможность побыть в роли не столько интервьюируемого, сколько рассказчика, ведущего свободное, хотя и направляемое интервьюером повествование о тех или иных жизненных моментах. Каждая новая тема, предложенная исследователем, становилась для участников интервью своеобразным нарративным импульсом. Такой формат беседы, многое взявший от нарративно-биографического интервью Ф. Шютце [Schütze 1983], позволил соединить объективно существующие эпизоды жизни информантов с их личными мироощущениями и переживаниями.

Что касается влияния на взгляды участников исследования родительской семьи, среди «традиционалистов» больше тех, кто вырос в неполной или неблагополучной семье. Впрочем, и, по данным проведенного нами ранее анкетирования, «модернисты» по сравнению с «традиционалистами» обладают более весомыми социальными ресурсами: они, как правило, выросли в полных, достаточно обеспеченных семьях, в которых один или оба родителя имеют высокий уровень образования. Обстоятельства жизни некоторых информантов, описывающих пережитые трудности, можно назвать «интенсивным биографическим трудом» (термин бразильской исследовательницы К. Алоизио Алвес) [Aloisio Alves, p. 161].

Вот что, к примеру, рассказывает о своих школьных годах одна 18-летняя студентка колледжа – «традиционалистка»:

В 14 [лет респондентки. – М. Я.] умерла мать, в 16 – лишила родительских прав своего отца. <...> С мамой жила до 8 лет, но она не принимала участие в моем воспитании, так как постоянно находилась в запое, после чего отец забрал меня с собой, и я жила с ним и мачехой. Он участия тоже не принимал, воспитывала мачеха, всегда «кнутом» и очень редко «пряником». <...> в суд подала [заявление о лишении отца родительских прав. – М. Я.] и выиграла дело. <...> под опеку взяла бабушка по маминной линии.

Впрочем, стоит отметить, что большинство участников интервью, независимо от их взглядов, уровня благосостояния родительской семьи, оценивают свое детство как счастливое; исключения составляют единицы, в основном дети алкоголезависимых родителей.

Участников интервью спрашивали о близких людях, обладающих для них моральным авторитетом и служащих примером. Мы предположили, что в ближайшем окружении «модернистов» есть носители современных взглядов, в то время как «значимые другие» «традиционалистов» придерживаются традиционных принципов. Эта гипотеза подтвердилась. «Модернисты» часто говорили о людях социально активных, из разряда «self-made man», открытых, внутренне свободных, немало добившихся. Для многих таким авторитетом стал близкий родственник (отец / мать, дедушка / бабушка, старший брат и пр.). Симпатии же «традиционалистов», как правило, на стороне авторитарных – жестких, властных, негибких, мыслящих в «черно-белых» тонах – людей.

Несмотря на то что образовательные и трудовые стратегии «модернистов» и «традиционалистов» заметно различаются (например, первые более последовательны и склонны к стратегическому планированию карьеры), нетрудно заметить то, что их объединяет. Представителей обеих контрастных групп отличают изрядная адаптивная гибкость, отсутствие страха перед переменами, готовность к нестандартному конструированию маршрутов своего жизненного пути (в том числе в личной и профессиональной сферах) с учетом изменяющих обстоятельств. Это показывает, что постсоветское поколение россиян вполне встроено в трансформирующуюся, «калейдоскопную» постмодернистскую реальность. В связи с этим вспоминаются слова президента Московской высшей школы социальных и экономических наук Т. Шанина, адресованные молодежи: «Своим студентам я сразу же говорю: разница между моим поколением и вашим в том, что в наше время человек осваивал в институте профессию, с которой оставался сорок лет, а если вы не поменяете профессию четыре раза за жизнь, я буду удивлен» [Коновалов 2004].

Особую ценность в биографических исследованиях представляет возможность анализа коллективного опыта «“проживания” определенной социальной ситуации» [Ядов в сопр. с Семеновой 2001, с. 402]. Часть вопросов интервью была посвящена теме восприятия участниками проекта политических событий, современниками которых в той или иной мере они оказались. Стоит отметить, что если 90-е годы юноши и девушки знают прежде всего по рассказам родителей и учителей, то «нулевые» для них – время собственных осознанных воспоминаний.

Прежде всего впечатляет внутренняя дистанцированность современной молодежи от последнего десятилетия XX в. Многие события, на которые была богата та эпоха (распад СССР, октябрьский путч 93-го, чеченская война,

дефолт), неинтересны информантам, о чем свидетельствуют их стереотипные ответы. Большинство «модернистов» и «традиционалистов», вероятно, ссылаясь на оценки старших и отечественных СМИ, считают 90-е годы сложными и негативными для России. Основная причина общеизвестна – тяжелая экономическая ситуация в стране. Коллективная оценка 2000-х годов в целом более позитивна. Опрошенные убеждены, что этот период принес россиянам спокойствие, материальный достаток, различные блага (Интернет, технические новинки, общедоступные путешествия за границу и др.).

Что касается событий так называемого Крымского кризиса, то они не оставили равнодушными даже обычно аполитичную молодежь. Как свидетельствует анализ результатов интервью на эту тему, большинство «модернистов» и «традиционалистов» с воодушевлением поддержали вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ. Правда, поддержка эта преимущественно декларативна: реально участвовать в борьбе за «Русский мир» постсоветская молодежь не готова.

Проведенное исследование позволило выделить общее и особенное в индивидуальных биографиях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения, а также обнаружило хороший эвристический потенциал научного подхода, основанного на сочетании данных массовых опросов с результатами работ, выполненных в традициях качественной методологии. Важно отметить, что биографические исследования имеют ряд преимуществ перед классическими строго формализованными количественными методами. Применение биографического подхода дает возможность «разглядеть» и «услышать» тех, кого в социальных науках принято сухо именовать объектом исследования, а также зафиксировать факты и явления, которые недостаточно заметны в массивах «больших данных».

Библиография

Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистической и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы Международного семинара, Санкт-Петербург, 14–17 ноября 1996 г. СПб.: ЦНСИ, 1997. С. 14–23.

Готлиб А.С. Познавательный потенциал «истории жизни» (life story) как стратегии качественного социологического исследования // Вестник Самарской Гуманитарной академии. 2006. № 1. Серия: Философия. Филология. С. 144–153.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. 208 с.

Коновалов В. Без четверти три, через год // Известия. 2004. 6 янв.

Ядов В.А. (в сопр. с Семеновым В.В.) Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. 596 с.

Aloisio Alves C. Être mere d'un enfant malade chronique: Une approche en recherche biographique // Le sujet dans la cite. 2017. Vol. 6. N 1. P. 153–168.

Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. 436 p.

Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. Lahnstein, 1983. Bd. 13. H. 3. S. 283–293.

References

Aloisio Alves C. Être mere d'un enfant malade chronique: Une approche en recherche biographique. Le sujet dans la cite. 2017. Vol. 6. No. 1. P. 153–168.

Berto D. Poleznost' rasskazov o zhizni dlya realisticeskoy i znachimoy sotsiologii [The value of life stories for realistic and significant sociology]. Biograficheskiy metod v izuchenii postsotsialisticheskikh obshchestv: Materialy Mezhdunarodnogo seminar, Sankt-Peterburg, 14–17 noyabrya 1996 g. [The biographical method in the study of Post-Socialist societies: Materials of the International seminar, St. Petersburg, Nov. 14–17, 1996]. Saint Petersburg: CISR, 1997. P. 14–23. (In Russ.)

Devyatko I.F. Metody sotsiologicheskogo issledovaniya [Methods of sociological research]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 208 p. (In Russ.)

Gotlib A.S. Poznavatel'nyj potentsial «istorii zhizni» (life story) kak strategii kachestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniya [A cognitive potential of live story is a strategy of qualitative sociological research]. Vestnik Samarskoj Gumanitarnoj akademii [The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy]. 2006. No. 1. Seriya: Filosofiya. Filologiya [A series of «Philosophy. Philology»]. P. 144–153. (In Russ.)

Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. 436 p.

Kononov V. Bez chetverti tri, cherez god [At quarter to three, in a year]. Izvestiya. 2004. Jan. 6. (In Russ.)

Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview. Neue Praxis. – Lahnstein, 1983. Bd. 13. H. 3. S. 283–293.

Yadov V.A. (in cooperation with Semenova V.V.) Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya: Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noj real'nosti [Strategy of sociological research: Description, explanation, understanding of social reality]. Moscow: Dobrosvet, 2001. 596 p. (In Russ.)